

ГОЛОСОМ

А. ДУНАЕВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

ЭПОХИ

НУЖНО ЛИ говорить о том огромном чувстве ответственности, о том поистине свяшенном трепете, который охватывает сегодня любой творческий коллектив, в том числе и коллектив нашего театра, в преддверии столетнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина! Как важно здесь соразмерить свои желания со своими возможностями, проявить особый художественный и нравственный такт, столь необходимый искусству, когда оно прикасается к величию и чистоте ленинского облика, ленинских идей.

Естественно, что и отдельные художники, и целые творческие группы, готовясь к юбилею, опираются сегодня и на свой собственный опыт и на уже сложившуюся традицию воплощения ленинской темы в советском искусстве.

На сцене Театра на Малой Бронной непосредственно образ Ильича никогда не был воплощен. Мы избрали поэтому другой путь, более опосредствованный, но, на наш взгляд, также важный. Путь этот — воссоздание такой духовной атмосферы, такого накала высоких человеческих страстей, чувств и помыслов, прекрасных человеческих характеров и стремлений, которые возможны только в эпоху, признающую и в великом, и в малом ленинскую правду, ленинскими идеалами. После долгих поисков и раздумий мы остановились на произведениях трех выдающихся мастеров советского искусства — это «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Платон Кречет» А. Корнейчука и «Золотая карета» Леонида Леонова.

На первый взгляд может показаться, что мы руководствовались в основном соображениями, так сказать, историко-хронологического порядка, обращая внимание на три важнейших этапа в жизни нашего общества — революции, годы социалистической перестройки, тяжелое испытание войной. В таком рассуждении будет своя, и немалая, доля истины. Но ценность искусства всегда состояла в многообразии точек зрения на мир, в многообразии его художественных моделей. Ни одно, даже самое замечательное произведение не в силах дать того, что мы получаем от всего художественного процесса в целом. Сложность, страстность, доходящая до иступленности в защите самых важных человеческих ценностей, — это ярче всего раскрывается у Леонова. Мягкий диризм, разнообразие и тонкость связей человека и среды, взгляд на профессию не только как на дело, но и как на выражение целостного мировоззрения, — таковы непреходящие ценности «Платона Кречета». Поэтому мы и рассматриваем «Золотую карету» и «Платона Кречета» как своеобразную дилогию.

В произведениях этих столь разных писателей нас привлекала также

единая для них концепция человека и времени, личности и эпохи. Не концепция «вообще» человека и «вообще» времени, а именно концепция советского человека и советской эпохи.

И Соболев, и Корнейчук, и Леонов рассматривают человека не как пассивную, неподвижную точку приложения социальных сил, но как активное творческое начало. Их герои — личности, характеры, сомневающиеся и находящиеся, порой идущие к радости через страдание, к истине — через заблуждение. И при всем том чувствуется, как за каждым из этих героев стоит эпоха.

Главные герои этих трех произведений — интеллигенты. Так при-

исполнителей спектакля «Золотая карета» в нашем театре Л. М. Леонов сказал:

— Жизнь — самый щедрый художник, но летит она очень быстро. Человек не успевает порой осмыслить всего великого, происходящего с ним. Есть очень много настоящих героев, но они не понимают своего подвига. В человеке всегда больше материала, чем он способен вынести на поверхность. Для осознания существуют художники. Наше дело — обнаружить и добраться до вещей, которых люди иногда сами не замечают. Человек смотрит, художник видит. Мы ходим по сдвигам, они у нас под ногами. Нужно уметь разглядеть их. Я называю это вхождением в ситуацию. Взять ее и рассмотреть глубоко-глубоко — вот в чем состоит задача художника. Но эти ситуации не должны быть мелкими, не должны быть «сочинениями из жизни мух».

Десяти лет разделяют нас и героев наших будущих спектаклей. Даже если бы все мы — постановщики спектаклей, режиссеры, актеры, в них занятые, принципиально захотели «законсервировать» созданное давно и не нами, мы все равно не смогли бы этого сделать. Прибавилось опыта, что-то изменилось в мироощущении. Мы знаем сейчас об этих героях больше, чем они знали о себе, — мы знаем их будущее. И с точки зрения этого будущего мы попытаемся воссоздать их сценические настоящие.

«Платон Кречет». 1934 год. Прошло всего 10 лет после смерти Ленина, осталось 7 лет до начала Великой Отечественной войны. Как ясно для нас читается судьба Кречета в эти последующие годы! А Аркадий? Преподатель, изменник? Не обязательно. Но трус, подхалим, приспособленец, может быть, и до сегодняшнего дня. И не береставское ли мужество, большевистское начало в полковнике Борезкине из леоновской «Золотой кареты» заставят его увести слепого Тимошу, стать его вторым «я», продолжением его светлого, талантливого мозга?

Нет, не распадается живая связь времен, настоящее живет в будущем, а наше будущее — это и наше прошлое.

Главное в творении искусства — яркий, впечатляющий, правдивый художественный образ. Если есть герой, если есть живой человеческий образ, есть искусство. Мы не знаем, какими получатся наши спектакли. Но сейчас, в работе над ними, мы испытываем большую, подлинную радость от встречи с настоящим искусством.

ГОТОВЯСЬ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

общаемся мы к одной из важнейших, магистральных тем русского классического и советского искусства: интеллигенция и революция, интеллигенция и народ, интеллигенция и социализм.

Русская интеллигенция неотделима от русской революции. Если служение Родине, народу — высокая мечта, нравственный подвиг для героев Соболева, то уже для героев Корнейчука — это нормальное, естественное состояние. Задача для них не в том, чтобы вообще «служить народу», а в том, чтобы служить ему наиболее целесообразно, с максимальной отдачей, имея высочайшую цель — коммунизм; и, наконец, в «Золотой карете» Л. Леонова, в русском городке, разрушенном оккупантами, встречаются представители и старой, и новой, советской интеллигенции. Люди простые проявляют черты подлинной интеллигентности, тонкой духовности, образуя все вместе то поразительное единство, которое мы и называем сегодня советским обществом.

Чем больше мы думаем о будущем этих трех готовящихся спектаклей, тем острее ощущаем недостаток в четвертой пьесе, несуществующей, ненаписанной пьесе о нашем современнике о человеке, который сейчас, в эту минуту, ходит рядом с нами по улице, ездит в метро, живет за стеной нашей квартиры. Кто он? О чем думает? Из-за чего страдает? С чем или с кем спорит? Чему радуется?

Недавно в беседе с коллективом